

къ выраженію внутреннихъ основъ существованія, когда ему нужно выразить сущность истинной вѣры и истиннаго знанія, онъ имѣетъ дѣло исключительно съ областью чувствъ, и знаніемъ истины является *ощущеніе* истины. Какъ истинный художникъ онъ хочетъ дать понять, что такое солнце, заставивъ почувствовать тепло его лучей. Истина не въ разумномъ пониманіи, а въ чувственномъ пониманіи. Можно сказать, что новѣйшая философія Бергсона и его послѣдователей только формулировала то, что бессознательно знаетъ каждый художникъ и что зналъ въ особенности Толстой, обратившійся въ дѣлѣ вѣры къ сферѣ чистыхъ переживаній, внѣ безсильнаго постиженія ихъ въ условіяхъ разсудочнаго познаванія. А именно: что подлинный матеріаль познанія—это глубина внутреннихъ состояній и ихъ гармоничная цѣльность, не переводимая на языкъ внѣшняго сознанія, дающая истину не разуму, но племому органу чувственно-духовнаго познаванія, имѣющему дѣло не съ мертвыми абстракціями, схемами и символами жизненныхъ состояній, а съ самимъ ихъ стихійнымъ цѣлымъ.

Толстой остается совершенно послѣдовательнымъ, когда въ связи съ указанной основой его ученія замѣчаетъ, что «Богъ открывается каждому человѣку въ его сердцѣ. Всякій человѣкъ чувствуетъ въ себѣ Бога, то на-